

КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ РОССИЙСКОГО ПАРТОГЕНЕЗА

Е.В.Притчина

Политическая модернизация в России предполагает создание развитой партийной системы. Современный этап становления многопартийности в России охватывает уже почти полтора десятка лет. В стране существуют и действуют десятки организаций, имеющие статус политических партий. Однако все еще отсутствует характерный для западных стран механизм взаимосвязи между обществом, партиями и властью. Платформы большинства партий размыты, водораздел между ними главным образом проходит по линии лояльности или оппозиции исполнительной власти, модернизаторской или консервативной ориентации. Их влияние на политический процесс остается ограниченным, они во многом зависимы от институтов исполнительной власти. В стране все еще не создан эффективный механизм политической конкуренции и представительства социальных интересов граждан. Общественное мнение относится к партиям критически, и участие в их работе россияне не рассматривают как способ влияния на политический процесс. Партии не являются реальным инструментом демократии.

Существование институциональных структур, формально определяемых как политические партии, не означает, что они автоматически выполняют весь набор функций, который связывается с этим элементом политической системы. Более эвристичным представляется рассматривать партии как определенные социальные практики, которые для своего воспроизводства нуждаются в индивидах, действующих по определенным правилам. Социальные практики отличны друг от друга в разных культурах, а также в разные периоды истории. Партия как совокупность социальных практик может меняться с появлением новых целевых установок, которые детерминируются политическими ценностями и ориентациями их членов. Таким образом, партийные структуры проявляются и как в виде регулярно воспроизводящихся правил, характерных для определенного общества и времени, и как социальный опыт людей, сконцентрированный в политической культуре общества. Само становление политических партий, дизайн партийной системы, ее функционирование во многом определяются

доминирующими онтологическими представлениями, которые определяют политические ориентации граждан, образцы политического поведения и модели действия политических институтов.

Понять и оценить современное состояние и перспективы развития партийной системы России, а, следовательно, состояние и перспективы демократии, невозможно без выяснения того, какие смыслы вкладывают россияне в такую форму политической организации как партия; насколько они ориентированы на поддержку политических партий и участие в их деятельности; как трансформируются культурные установки относительно партий и партийной системы в целом.

Партии как объединение части граждан для борьбы за государственную власть известны с античных времен. Партиями называли враждующие между собой группировки античных республик, кланы, которые складывались вокруг влиятельных европейских аристократов в эпоху Ренессанса, клубы, объединявшие депутатов революционных ассамблей. Но в условиях традиционной монархии партиям не было места в политической системе, и они не могли играть сколько-нибудь заметной политической роли.

Современные партии начинают формироваться в странах Западной Европы только в XIX в. Оформление гражданского общества, утверждение политических свобод (слова, собраний, ассоциаций, печати) создали условия для развития представительной демократии, важнейшую роль в которой играют партии. В такой политической системе партия воспринимается как организация, объединенная общей идеологией, представляющая интересы части общества и стремящаяся к их реализации путем завоевания государственной власти или участия в ее осуществлении. Возникновение партий связано с формированием дифференцированной социально-классовой структуры, зарождением парламентаризма как формы организации и осуществления государственной власти, введение всеобщего избирательного права, что открыло доступ к политике широких масс.

Сегодня партии являются неизменным атрибутом современной политической системы, обеспечивая связь между государством и

обществом и формируя систему социального представительства. Они позволяют отбирать эффективных лидеров, создавая механизм политической конкуренции, осуществляемой посредством регулярных выборов. Партии при демократическом режиме являются основным инструментом институциональной легитимации государственной власти. Легитимность же самих партий основывается на значительной численности и стабильной приверженности больших сегментов электората, а также влиянии многочисленных членов партий и крупных групп интересов на формирование партийной политики.

Партии являются одной из пограничных структур гражданского общества, чрезвычайно важной с точки зрения его полноценного функционирования и взаимодействия с государством. Своими корнями они уходят в толщу общества, где зарождаются и оформляются групповые интересы, а через свои руководящие органы встраиваются в механизм государственного управления. Политические партии выполняют целый комплекс функций: агрегирования и артикулирования политических интересов, мобилизации и ориентации масс, отбора и ротации кадров. Они не только репрезентируют социальные интересы, но активно участвуют в их формировании, являются важными агентами политической социализации граждан, способствуют внедрению в массовое сознание ценностей и норм, формированию навыков конвенционального политического поведения. Таким образом, партии представляют собой одновременно и результат и фактор трансформации и модернизации политической культуры общества.

Процесс возникновения партий в России существенно отличался от западноевропейского. Это было связано с запоздалым развитием капитализма в стране, консервацией феодальных общественных отношений и традиционных форм социальной организации. Формированию классовой структуры препятствовали традиционные социальные институты и отношения, а это, в свою очередь, осложняло оформление политического сознания классов, слоев и групп населения. Просуществовавшая до начала XX в. самодержавная форма правления не позволяла легально участвовать в политическом процессе общественным объединениям.

В течение долгих веков основным политическим институтом в России было авторитарное патерналистское государство. При слабости гражданского общества именно с

государством массовое сознание связывало надежды на порядок, безопасность и благополучие. Традиционалистские представления базировались на теологической идее единого вселенского государства. Представления об единстве государственной воли, власти и общественного блага были несовместимы с представлениями о партиях как выразительницах частных интересов, разрушающих политическую целостность. Соборное сознание воспринимало объединение части подданных на основе групповых интересов как раскол, угрожающий социальному целому. О ненужности и даже вредности партий для русского общества писали мыслители самых разных направлений.

Идеолог декабристского движения П.И.Пестель, автор одного из первых проектов демократического устройства России, был против создания институтов самоорганизации в рамках гражданского общества, представительства групповых интересов. Санкционированная обществом власть государства, по его мнению, должна фактически быть авторитарной, а демократия носить плебисцитарный характер. Он предлагал ограничить политическое участие народа выборами, обсуждением «заветных» (конституционных) законов и выполнением политических обязанностей, таких как повиновение законам, служба в армии и уплата налогов. Автор «Русской правды» не допускал возможности создания оппозиции правительству, общественных организаций и партий. «Всякие частные общества с постоянной целью учрежденные должны быть совершенно запрещены – хоть открытые, хоть тайные, потому что первые бесполезны, а последние вредны. Первые потому бесполезны, что они таких только предметов касаться могут, которые входят в круг действия правительства и для которых правительство уже учреждено со всеми отраслями, частями и подразделениями... Вторые же потому вредны, что они таких только могут касаться предметов, которые не могут быть сделаны гласными, а таковые предметы не могут быть иначе признаны как зловерные, ибо государственный порядок, в сей «Русской правде» постановляемый, не только ничего доброго и полезного не принуждает скрывать, но даже, напротив того, все средства дает на их введение и обнародование законным порядком...» [1, с. 204-205].

Единственной допустимой формой политической организации населения он считал волостные сообщества. Отношения в них

должны быть аналогичны отношениям внутри общины. Члены сообщества связаны друг с другом, прежде всего, принадлежностью к данной территории, а не общностью интересов или идейной близостью. Человек становится членом волостного сообщества уже при рождении. П.И.Пестель называл эти сообщества политическими семействами. В волости должны организовываться выборы и выдвигаться кандидаты в органы государственной власти, распределяться из общественного фонда земельные участки, создаваться учреждения общественного призрения для сирот, нищих и больных. Волостное собрание должно выступать в защиту своих сограждан в случае нарушения их прав и следить за исполнением ими гражданских обязанностей. Таким образом, составляя проект устройства новой России, Пестель исходил из того, что в основу политической системы должны быть положены традиционные институты.

Действительно, одной из особенностей развития России является длительное сохранение территориально-сегментарной социальной структуры, когда происходит членение социума на сходные части – общины. Томский политолог Н.Г.Щербинина обоснованно считает, что «она не только являлась ячейкой восточнославянского племенного быта, основой древнего (примитивного) государственного устройства, но была и важной составляющей развитого (современного) общества вплоть до его социалистической формы, глобализовавшей общинность до общегосударственных рамок» [2, с. 73]. Сегментарная организация общества складывается в архаичный период и составляет, по мнению Э.Дюркгейма, основу механической солидарности, когда люди объединяются в силу сходства друг с другом. Э.Дюркгейм, отмечая характерны черты такого типа обществ, указывал, что «религия здесь проникает во всю социальную жизнь, но это потому, что социальная жизнь здесь состоит почти исключительно из общих верований и обычаев, получающих от единодушной связи совершенно особую интенсивность». В таком обществе существует только коллективная личность. Поэтому вся психическая жизнь общества неизбежно принимает религиозный характер [3, с. 171]. Характеризуя особенности способа существования архаичных сообществ, К.Леви-Стросс писал, что их политическая жизнь «основана на единодушном согласии и допускает только единодушные решения. Она как бы исключает использование в своих це-

лях различий между властью и оппозицией, между большинством и меньшинством» [4, с. 114].

Истоки соборности российского политического сознания уходят в глубину веков, во времена формирования территориально-сегментарной социальной структуры. Государственное сознание также является в какой-то мере общинным, так как сегментарная общественная организация сохранила его в качестве коллективного типа. «Благодаря общинно-сегментарной традиции в России коллективное сознание определяло психическую жизнь общества, в то время как индивидуальные типы не контролировали даже функционально специализированные системы представлений и действий, например развитую институционально-политическую сферу» [2, с. 73]. Таким образом, в российской социокультурной реальности находилось мало оснований для формирования политических партий современного типа.

Славянофильская теория выявила общину как институциональную доминанту, к которой и свела своеобразие российского социально-политического процесса. Негативное отношение к партиям, как к формам, чуждым российской организации политической жизни и русскому национальному характеру, было характерно для ранних славянофилов.

Позднее Н.Я.Данилевский, стремясь объяснить политическое развитие страны, исходя из социально-психологических, культурных факторов, подчеркивал, что русским свойственно чувство единения с властью, с государством. Это единство формировалось всем ходом истории русской государственности, когда сменяющие друг друга формы зависимости сплачивали народ в «единое тело», отучали его от племенного эгоизма и приучали к подчинению высшим общим целям. Цели эти носят трансцендентный характер и определяются особой миссией России, связанной с сохранением православия. Русский народ не расчленен на отдельные социальные группы со своими специфическими интересами. Следовательно, главной пружиной политического процесса является не интерес, а внутреннее нравственное сознание народа. «А так как интерес составляет настоящую основу того, что мы называем партиями, то во всей исторической жизни России нет ничего, что бы соответствовало этому, по преимуществу западноевропейскому, или романо-германскому, явлению. Все, что можно назвать у нас партиями, зависит от вторже-

ния в русскую жизнь иностранных и иноязычных влияний...» [5, с. 196].

Политическая жизнь России, по мнению Н.Я.Данилевского, не состоит из борьбы и взаимодействия различных политических групп и партий, для которых просто нет основания, а переносится во внутреннюю духовную жизнь нации. Важнейшие политические решения незримо и неслышно вызревают «в глубине народного духа», и, «когда приходит время заменить старое новым на деле, эта замена совершается с изумительной быстротой, без видимой борьбы» [5, с. 191]. Действительно, самодержавный абсолютизм не оставлял места для публичной политической сферы, идеологического и организационного оформления социальных интересов, и борьба мнений обретала скрытый, латентный характер. То, что славянофилы и Н.Я.Данилевский называли партиями, в реальности представляли узкие группы, формирующиеся в образованных слоях общества, не имеющие широкой массовой базы и легальных способов влияния на государственную власть.

Следует отметить, что настроения антипартизма не были присущи исключительно российской культуре. В западном общественном сознании достаточно долго доминировало негативное отношение к политическим партиям. Н.Макиавелли считал расколы между общественными группами причиной всех неурядиц в государстве. Ж.-Ж.Руссо видел в партиях симптом раскола общей воли и противоречие принципу народного суверенитета. Т.Гоббс сводил партии к организованному преступному замыслу, которые вместе с восстаниями и гражданскими войнами составляют наиболее серьезные болезни государства. Однако по мере упрочения парламентаризма уже в конце XVIII в. западноевропейской политической мысли складывается и другая тенденция: более взвешенного и даже позитивного отношения к партиям, чье образование и деятельность начинают рассматривать как показатель демократичности общественного строя, качества и степени свободы в данной стране.

Спецификой России было осуществление догоняющей модернизации усилиями самодержавной власти. Этот процесс порождал изменения в социальной структуре, распад общинных и сословных структур, но не сопровождался адекватным развитием институтов гражданского общества. Образование общественных политических организаций было запрещено достаточно долго, вплоть до

революции 1905 г. Тем не менее, модернизационные процессы обусловили дифференциацию социальной структуры, усложнение ее строения и потребовали разделения политических функций между обществом и государством. Процесс оформления в России публичной политической сферы шел медленно и очень мучительно. Он усложнялся тем, что его составляющие, разделенные во времени в странах Запада, в нашей стране накладывались друг на друга. Одновременно происходили распад сословной организации, оформление классовых структур и политическое структурирование, формой которого должны были стать политические партии.

Партийная форма была заимствована из западноевропейской культуры. Там развитие партий происходило по мере того, как развивались парламентские структуры, расширялись политические права граждан и к активной политической жизни подключались все новые социальные группы. М.Вебер выделяет следующие этапы партогенеза в странах Западной Европы: партии – аристократические группировки, буржуазные партии-клубы, массовые пролетарские партии [6, с. 672-674]. В России же этапы становления партий отражали, в первую очередь, процесс разделения общества и государства, выделение сферы публичной политики.

Западноевропейским представлениям наиболее соответствовала либеральная теория партий, которую развивали Б.Н.Чичерин, Ю.С.Гамбаров, М.М.Острогорский и др. В ней политические партии трактовались как «свободные общественные группы, образующиеся внутри правового государства для совместного политического действия на почве общих всем объединенным индивидам интересов и идей» [7, с. 3]. Партия не может представлять собой целого народа или общества и составляет его часть. «Поэтому одной партии, или партии в единственном числе, не может никогда существовать: часть предполагает всегда другую часть или другие части, и не только существование, но и развитие каждой партии связано с существованием и развитием, по крайней мере, одной из противных ей партий» [7, с. 3]. И как политические союзы, предполагающие участие общества в государственной жизни, они возможны только при наличии парламентаризма и являются инструментом политической конкуренции и контроля за властью.

В России же друг другу, в первую очередь, противостояли не общественные груп-

пы или политические союзы. В конце XIX в. основная линия раскола проходила между обществом и государством. Либеральное движение было слабым. Либерализм, отчетливо противопоставлявший прогрессивное развитие, основанное на медиации, инверсионному типу социальных изменений, был чужд обществу, «где господствовала вера в инверсионное чудо, во всемогущество власти». А.С.Ахиезер подчеркивает, что «для синкретического сознания всякий акт развития либерализма может восприниматься как обман. Развитие либеральной свободы есть, прежде всего, по своей природе призыв общества к ответственности, к диалогу. Однако синкретическое сознание, рассматривающее весь мир как источник коварных оборотней, корыстных замыслов, оценивает либерализм как попытку слабого противника прикрыть свой особо коварный монолог массой слов, дискомфортной говорильней. На всякий акт развития либерализма в этих условиях синкретическое сознание реагирует как на обман, как на козни оборотней» [8, с. 318]. Партии либерального типа, созданные после Октябрьского манифеста 1905 г., не имели большой поддержки в обществе и были распущены после революции 1917 г.

В российской бинарной культуре XIX в. основными полюсами, противостоящими друг другу, стали консервативное и радикальное течения, которые имели немало общего. Для них был характерен утопизм, ориентация либо на романтизируемое прошлое, либо на социально-политический идеал, вынесенный в далекое будущее; негативное отношение к праву; инверсионная логика и манихейский способ действий, предполагающие абсолютизацию полярностей, деление всего мира на «друзей» и «врагов». Именно в рамках этих двух ведущих политико-культурных традиций были созданы два проекта политических партий, которые соединили заимствованную форму политического института с традиционным для России смысловым содержанием.

Радикализм представляет собой совокупность социально-политических идей и действий, направленных на коренное изменение основных общественных институтов политической системы в целом [9, с. 47]. В России радикализм выступает как доминирующая политико-культурная традиция. По оценке С.Л.Франка «промежуточные» духовные и политические образования, завоевавшие прочные позиции в западной цивилизации, в России были невозможны, прежде все-

го, «религиозно-психологически» [10, с. 221]. Русский радикализм был порожден традиционным правовым нигилизмом, стремлением к справедливости, максимализмом в восприятии мира. В то же время характерное для догоняющей модернизации несоответствие темпов перемен в различных сферах, их частая разнонаправленность, провоцировали попытки решить все проблемы сразу, переосмысливая через определенные этапы общественного развития. Социальной базой радикализма стал слой разночинной интеллигенции, формировавшейся в результате распада сословной структуры российского общества. В условиях догоняющей модернизации его потенциал не был востребован. Разночинцы зачастую не могли встроиться в слабо развитый буржуазный сектор. Рекрутированию в политическую элиту препятствовали защитные механизмы сословно-бюрократической иерархии. Нараставшее противоречие между интеллектуальным потенциалом и ролевым статусом в обществе обостряло у разночинцев ощущение социального гнета и порождало неконвенциональные формы протеста.

В рамках радикального движения была создана новая культурная форма революционной партии. Западная форма политической партии, перенесенная в российский культурный контекст, обрела принципиально новое смысловое содержание и отличные от западных аналогов организационные и функциональные характеристики. Первым прообразом российских политических партий стали декабристские общества в первой четверти XIX в., представлявшие собой тайные жестко централизованные организации, создававшиеся для насильственного преобразования политического и социального строя.

Следующим этапом российского партотгенеза стали немногочисленные, нелегальные народнические организации. Они вели борьбу против полицейского аппарата самодержавия при отсутствии широкой массовой поддержки. Преобладание нелегальных форм движения, малочисленность революционных сил, репрессии породили идею сильной, централизованной революционной организации, «своего рода боевой дружины, которая смогла бы не только противостоять самодержавно-крепостническому государству, но и стать силой, преодолевающей инерцию массовой пассивности, вовлекающей «низы» в революционный процесс» [11, с. 276-277]. Ее задачей была координация работы по подготовке свержения старого и построения нового

стройка. Осуществление коренных общественных преобразований после революции идеологи народничества связывали с установлением партийной диктатуры, когда партия сращивается с государственным аппаратом и организует управление обществом в соответствии с принятой программой [12, с. 156].

Таким образом, в российской политической культуре начала складываться установка на партию-государство. В условиях революционного подполья закладывались и такие принципы деятельности политических организаций как недемократические нормы внутрипартийной жизни, элементы сектантства, революционного экстремизма, неразборчивости в средствах.

Первой в России массовой партией стала образованная в 1898 г. Российская социал-демократическая партия. Возникновение первой в аграрной стране партии, декларирующей себя как партия рабочего класса, во многом можно объяснить хорошим знакомством русской разночинной интеллигенции с тщательно разработанной идеологией марксизма и его созвучностью с идеями русского социализма, а точнее с ценностями, характерными для русской общины. В странах с сильным влиянием традиционализма, низким уровнем личностного сознания имеет место массовизация и институционализация политического субъекта, «он выступает коллективно, институционально, соборно» [13, с. 324]. Это затрудняет формирование группового сознания и оформление партийных идеологий. Специфика России заключается в том, что в ней «потребность в самосознании группы отколота от группы и часто концентрируется (через особую интерпретацию) в группе интеллигентов» [13, с. 324]. Ориентация революционного движения на пролетариат дала ему массовую социальную базу.

РСДРП оформилась в стране, где отсутствовали парламентские институты и демократические свободы, поэтому она не могла возникнуть как парламентская партия. РСДРП изначально создавалась как партия «нового типа», как революционная организация, ориентированная на установление диктатуры, в отличие от западноевропейских социал-демократических партий, работавших в условиях парламентской политической системы. По мнению В.И.Ленина, она должна была заниматься «работой, сближающей и сливающей воедино стихийно-разрушительную силу толпы и сознательно - разрушительную силу организации революционеров» [14, с. 175].

Наиболее полно сущность партии «нового типа» раскрывается в ее организационном строении, так как, по определению французского классика политической науки М.Дюверже, партия есть общность на базе определенной специфической структуры [15, с. 18].

В.И.Ленин настаивал, что в основу организационного строения партии должен быть положен принцип демократического централизма. Это положение он конкретизировал в «Письме к товарищу о наших организационных задачах», в котором изложил план построения и работы партийных комитетов. В каждой местной партийной организации имелись руководители – ядро партии и широкая сеть периферийных кружков и групп. В ядро партии входили профессиональные революционеры, находящиеся на нелегальном положении и полностью посвятившие себя делу революции. Организация профессионалов-революционеров по своему составу была максимально узкой, а по характеру – строго конспиративной. Но централизованный, строго законспирированный руководящий орган в то же время был тесно связан с массами через кружки на фабриках и заводах [16, с. 7-25].

В целом для партии большевиков стала характерна жесткая централизация; система вертикальных связей, обеспечивающая строгую изоляцию базовых элементов друг от друга, которая противостоит попыткам раскола и обеспечивает беспрекословную дисциплину; основанное на авторитарных принципах руководство. Основными методами партийной работы стали пропаганда, агитация, а также прямые, часто насильственные действия. Партия основывалась на жесткой доктрине тоталитарного типа, требующей от своих членов не только политической приверженности, но и полного подчинения всей жизни. В них формировали беспрекословную преданность, замешанную на мифах и преданиях религиозного толка. В партии не существовало разграничения публичной и частной жизни. Таким образом, партия соединяла религиозную веру и армейскую дисциплину [15, с. 43].

Такая партия не осознавала себя как часть общества, противостоящая другим партиям в структуре парламентаризма. Она представляла собой инструмент инверсионного перехода от диктатуры самодержавия к диктатуре пролетариата, а точнее – партийной номенклатуры. Ее целью был захват вла-

сти и установление тотального контроля над обществом. Чтобы быть правящей, она должна быть монологичной, быть «реальным воплощением высшей Правды» в силу того, что владеет единственно верной, научной теорией построения нового общества. Она ведет народ к единой высшей Правде и претендует на то, чтобы «стать комфортным монологическим тотемом массового архаического сознания» [8, с. 375]. В этом качестве партия нового типа противостоит всем, кто искажает единственно верную теорию и препятствует ее воплощению в жизнь. Это определяло нетерпимость и организационную жесткость коммунистической партии. К организационным особенностям партии такого типа Х.Аренд относилась связь идеологии и боевой организации, жесткую иерархичность, принцип вождизма [17, с. 479-491]. Борьба за организационное и идеологическое единство в партии еще более усилилась после того, как она завоевала государственную власть и в стране оформилась однопартийная система.

В 1921 г. X съезд РКП(б) вместе с решением о переходе к новой экономической политике принял резолюцию «О единстве партии», которая запрещала фракционную борьбу. Она предписывала «немедленно распустить все, без изъятия, образовавшиеся на той или иной платформе группы» и поручала всем организациям «строжайше следить за недопущением каких-либо фракционных выступлений» [18, с. 573]. Таким образом, некоторая либерализация в экономике сочеталась с усилением авторитаризма в политике. Сохранялась традиционная для России разнонаправленность модернизационных процессов в экономической и политической сферах.

И.В.Сталин, сформулировав положение об обострении классовой борьбы по мере построения социализма, политически обосновал необходимость усиления единства. На XVI съезде ВКП(б), призывая к борьбе с правым уклоном, Сталин резко выступил против фракционности в партии, так как «вслед за свободой политических группировок в партии должна придти свобода политических партий в стране, т.е. буржуазная демократия». «Можно ли при таких взглядах на партию обеспечить железную дисциплину в партии, обеспечить железное единство партии, необходимое для успешной борьбы с классовыми врагами? Ясно, что нельзя» [19, с. 356].

Оценивая новое состояние партии после прихода к власти, И.В.Сталин характеризует его следующим образом: «Компартия как

своего рода орден меченосцев внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность» [20, с. 71]. Сравнение с церковно-рыцарским орденом было не случайной метафорой. Подобные аналогии проводили и другие представители ленинской гвардии большевиков. Н.И.Бухарин одним из условий победы революции называл организационное единство партии. «Суровая дисциплина большевизма, спартанская сплоченность его рядов, его строжайшая «фракционность» даже в моменты временного сожительства с меньшевиками, крайняя однородность взглядов, централизованность всех рядов – были всегда характернейшими признаками нашей партии. Все партийные работники были крайне преданы партии; партийный «патриотизм», исключительная страстность в проведении партийных директив, бешеная борьба с враждебными группировками всюду – на фабриках и заводах, на открытых собраниях, в клубах, даже в тюрьме – делали из нашей партии какой-то своеобразный революционный орден» [21, с. 35]. Создателям и руководителям партии большевиков культурно была близка организационная модель религиозного ордена с его иерархией как ступенями посвящения, закрытостью, возрастанием анонимности по мере продвижения по ступеням иерархии.

РКП(б), ВКП(б), а затем и КПСС пронизывала абсолютно всю социальную ткань СССР. Она была системообразующим элементом, основой тотальной власти. В результате сформировалось однопартийное государство. Его отличительная черта – «концентрация исполнительной и законодательной власти вместе с правом производить все назначения в законодательной, исполнительной и судебной областях в руках частной организации – «правлящей партии», которая действует с помощью ничем не ограниченного полицейского террора» [22, с. 216].

В результате сращивания партии с государством была сформирована модель партии-государства. Она стала стержнем политической организации общества. Советы, профсоюзы, комсомол, женские организации, творческие союзы находились под постоянным контролем партии, были ее «приводными ремнями» в различных сферах общественной жизни и любое решение в этих организациях санкционировалось партийными органами. Слаженное функционирование политического механизма обеспечивалось рас-

становкой партийных кадров на всех руководящих постах. И.В.Сталин отмечал, что «руководящая роль партии должна выразиться не только в том, чтобы давать директивы, но и в том, чтобы на известные посты ставились люди, способные понять наши директивы и способные провести их честно» [23, с. 210]. Предназначением партии было преодоление раскола между государством и обществом, достижения утраченного единства. Таким образом, была создана не партия в обычном смысле этого слова, а особый социальный механизм, способный «улавливать массовую социальную энергию, стимулируемую идеологией, и использовать ее для создания государства нового типа» [8, с. 376].

Победа такой модели партии не являлась случайностью. Именно она соответствовала культурным установкам на единство, жесткую централизацию и моноцентричность власти. Этот тезис подтверждается тем, что в середине 1920-х гг. евразийцами был предложен еще один проект партии-государства, который, по сути, был продолжением и отрицанием ленинской партии нового типа. Евразийцы, так же как и большевики, отвергали парламентаризм, а, соответственно, и западное понимание политической партии. Евразийцы заявляли о своем стремлении «заменить искусственный порядок представительства отдельных лиц и партий органическим порядком представительства потребностей, знаний и идей» [24, с. 168-169]. Политический строй России-Евразии должен был представлять «демотический» строй, т.е. государственный порядок, «при котором власть принадлежит организованной, сплоченной и строго дисциплинированной группе, осуществляющей эту власть во имя удовлетворения потребностей широчайших народных масс и проведения в жизнь их стремлений» [25, с. 218].

В качестве базы для создания такого строя евразийцы принимали советский строй. Оценивая советский опыт, один из идеологов евразийского движения Н.Н.Алексеев положительно оценивал роль коммунистической партии в политической системе, которая «дает возможность удачно сочетать наличность стабилизированного общественного мнения с его динамикой. Советская система складывается из диктатуры единой партии и из ряда «представительных» учреждений. Первая воплощает начало постоянное, вторые - начало подвижное. Правильное сочетание этих двух начал и составляет основную задачу евра-

зийской политики» [24, с. 171]. Проблема «сочетания государственной константы с государственной динамикой решается путем организации правильного соотношения в советах делегатов от территориальных и национальных частей и от профессиональных организаций с делегатами от правящего слоя» [24, с. 172]. Советы должны были стать органами корпоративного представительства территориальных, профессиональных и национальных образований под жестким контролем правящей партии. «Таким путем легче всего преодолевается индивидуализм и разрушается фиктивная (но фактически весьма ощутимая по своим последствиям) антитеза государства и индивидуумов, как единственных выразителей социального целого. Государство имеет свой последний упор не на индивидуума, а на ближайшую к нему, первичную социальную группу, на первичную соборную личность» [26, с. 195-196].

Построение евразийского государства предполагалось осуществить путем устранения коммунистической партии и замены евразийской. Так же как и советское, евразийское государство должно было основываться на единой тотальной идеологии. «Мы стремимся сознательно зафиксировать в политическом бытии нашего государства то, что западные демократии старательно прячут: путеводную идею государства как целого, его основное призвание, его цель. В этом смысле можно назвать наше государство идеократией или, иначе, государством стабилизированного общественного мнения» [24, с. 171]. Носитель «стабилизированного общественного мнения» - правящий слой должен из политической партии превратиться «в органическую часть государства» [24, с. 172].

Так же как и большевики, евразийцы подчеркивали, что их понимание партии не совпадает с западноевропейским: «существо наше не совпадает с природой политической партии (в обычном смысле этого слова), и партийность есть только одна из возможных форм нашей деятельности» [24, с. 165]. В их концепции политическая партия предстает как идеологическое объединение, имеющее не только программу, доктрину, совокупность догм, особое мирозерцание и свою философию. Ее цели заданы не насущными социальными проблемами, а носят трансцендентный характер. «Мы не исповедуем западной религии общественности, мы не считаем, что решение социального вопроса есть последняя человеческая проблема, мы отвергаем

теорию земного рая. Политическое действие для нас... не есть самоцель, мы... стремимся к политическому действию в особых, верховных целях, но этими целями не является для нас достижение окончательного социального благополучия на этой планете. Оттого задачи наши не покрываются ни политикой, ни планами социальных преобразований...» [24, с. 164]. Наиболее близкой свою организацию идеологи евразийского движения, как и большевики, считали к такому объединению, как религиозный католический орден или организация масонов, для которых политика является только «одним из частных планов» общей деятельности [24, с. 164].

Проект партии-государства, реализовывавшийся в СССР коммунистами на протяжении более семидесяти лет, и оставшаяся на бумаге его евразийская версия имеют под собой общие культурные основания. Современная политическая форма партии, наполненная традиционным для России культурным смыслом, позволила политической организации адаптироваться к происходящим трансформациям, стала инструментом укрепления разрушающейся под влиянием модернизационных процессов моноцентричности власти и позволила воспроизводить традиционные политические практики в новых условиях.

Другим проектом политической партии, родившимся в консервативно-охранительном лагере, стал проект партии власти. Он появился практически одновременно с проектом революционной партии, в 1906 г. Автором стал генерал-губернатор Санкт-Петербурга Д.Ф.Трепов. Он предлагал создать «твердо сплоченную консервативную партию порядка» и образовать в Государственной Думе партийное большинство. Так же как и революционному сознанию, консерваторам была чужда идея партии как объединения части (parts) общества. Партия порядка должна была принципиально отличаться от обычных партийных образований, представлявших отдельные социальные группы, и выражать фундаментальные интересы подавляющего большинства населения Российской империи. В ее состав Д.Ф.Трепов предлагал включить генерал-губернаторов и градоначальников, «которые в силу своего служебного положения, всегда будут в состоянии составить около себя кружок влиятельных в данной местности лиц». Для организации отделений партии предлагалось командировать в провинцию доверенных представителей. Под кон-

троль партии порядка должна была быть представлена периодическая печать, с помощью которой должно было формироваться правительственное общественное мнение [27, с. 86]. В начале XX в. самодержавная власть не сумела реализовать данный проект, так как была не готова к поиску новых, нетрадиционных политических стратегий.

Идея партии власти воплотилась в жизнь почти век спустя, на новом этапе становления многопартийности в России. Он начался в условиях, напоминающих обстановку начала XX в.: переходный характер социальной структуры, несформированность гражданского общества, низкий уровень политической самодетельности граждан, существенное влияние традиционной политической культуры. Ее специфика состоит в кратоцентричности, авторитарно-монологическом типе взаимодействия общества и государства, при котором социум воспринимает себя как «продукт» властного творчества, а власть выступает как самостоятельная, автономная, сакральная сила [27, с. 86]. Однако в обществе и политической системе произошли радикальные изменения, которые привели к тому, что однопартийная система оказалась несостоятельна и модель партии-государства исчерпала себя. Политическая модернизация трансформировала не только систему политических институтов, но изменения коснулись системы политических установок и ценностей в массовом сознании.

В начале 1990-х гг. возникли три группы партийных объединений. Первая - партии, возникшие на обломках КПСС, а потому сохраняющие генетическую связь с моделью партии-государства и все больше теряющие свое влияние в современных условиях. Вторая - партии, образованные в недрах гражданского общества, более всего похожие на западные, но не имеющие массовой поддержки. К общим признаками всех партий, возникших в процессе самоорганизации можно отнести слабую организационную устойчивость и высокую степень влияния межличностных отношений на нее и персонификацию партийного курса с имиджем ее лидера [28, с. 47]. Они быстро превратились в политических аутсайдеров. К третьей группе относятся партии власти.

Партия власти – это культурная форма, порожденная догоняющей модернизацией и характерная для неустойчивых демократий и переходных обществ [29, с. 88]. В России она воплощается в ряде сменяющих друг друга

организаций – в «Выборе России», «НДР», «ОВР», «Единстве», «Единой России» и др. Российские политологи высказывают мнение, что все российские партии, представленные в Государственной Думе или имеющие шансы на такое представительство можно отнести к этому типу.

В условиях процедурной демократии политическая элита стремится нейтрализовать или минимизировать влияние электората на сущность и содержание политики. Партия власти является инструментом такой нейтрализации. Она создается исполнительной властью для участия в парламентских выборах и выступают как инструмент организации политического пространства и восстановления его традиционной моноцентричности. Поэтому для развития партийной системы характерно создание партий «сверху» - не граждане создают партии, а партии создаются «номенклатурным» путем, а затем ищут свой электорат [28, с. 51]. Для их создания используются накопленные на внепартийной основе ресурсы, в первую очередь политический потенциал и организаторские возможности учредителей партии. Базой для них являются государственные структуры.

Для партий подобного типа характерно стремление занять весь идеологический спектр при помощи имитации собственной идеологии. Постоянное исчезновение существовавших партий и появление новых – процесс, обусловленный непрочностью партийных форм, не подкрепленных внятным смысловым содержанием. Российским партиям с большим трудом удается выполнять функцию идеологической и смысловой идентификации. Программы большинства партий демонстрируют эклектическое смешение традиционных и современных ценностей. Они «слеплены» из различных, исключая друг друга культурных пластов. В условиях размывания всей идейно-смысловой сферы, ее переходности, противоречивости и конфликтности для общества характерно обращение к привычным для него ориентирам, моделям поведения. Такого рода явление можно обозначить как «реванш» традиционных ценностей. Особенно ярко это проявляется в тех метаморфозах, которые претерпевала идеология «партии власти» за последние годы. «Выбор России» шел на думские выборы в 1993 г. как политическая сила четкой либеральной и прозападной направленности. Движение НДР приобрело уже заметно выраженный консервативный и патриотический образ. Но наиболее

ярко эти черты проявились в идеологии «Единства», а также возникшей позже «Единой России». В то же время наиболее успешные партии власти - НДР, Единство, ОВР, Единая Россия – позиционируют себя как партии центра. При этом политическая доктрина российского централизма до сих пор еще не оформлена. Реальной идеологией партии власти является идеология удержания государственными структурами политической власти с помощью манипулирования общественным сознанием. Поэтому политическую программу формулирует и представляет обществу исполнительная власть, а не политические партии. Партии же в зависимости от политической конъюнктуры могут объявить себя «левыми», «правыми», «националистическими», «центристскими» и т.д.

Роль партии власти существенно отличается от западноевропейских партий. Она не является инструментом представительства интересов части общества, а представляет собой привластную группу, с помощью которой исполнительная власть может монополично управлять обществом. Она выступает как «способ приспособления Русской Власти к эпохе публичной политики» или как «публичный инструмент «непубличной» Русской Власти» [27, с. 87]. В условиях усложнения общественной системы ее основное предназначение – преодоление конфликтов с помощью новых технологий, приспособленных к социальным изменениям. С помощью партии государственная исполнительная власть выходит в публичное информационное пространство и использует его для решения своих задач, навязывая массовому сознанию определенные политические идеи. Она выполняет целый ряд функций: легитимации исполнительной власти, которая формируется вне общества и управляет им дистанционно; представительства исполнительной власти; коммуникации политической элиты и масс; преодоления ограничений системы разделения властей; мобилизации общества для выполнения принятых решений. «Через свою «партию» Власть пытается реализовать идею нового «общественного договора», достичь базового социального консенсуса, но не по западному сценарию, а со своих собственных позиций» [27, с. 91]. Такая ограниченная роль партий закреплена законодательно. Принятый в 2001 г. Федеральный закон о политических партиях не дает им право формировать органы исполнительной власти. Президент также является надпартийной фигурой.

Закономерно, что политические партии не рассматриваются россиянами как механизм, необходимый для формирования властных структур, а также как инструмент контроля над властью. Подавляющее большинство уверено, что эффективных способов влияния на власть в России вообще не существует. В октябре 2003 г. лишь 15% были согласны с тем, что существующие в стране многочисленные общественные формирования оказывают заметное влияние на политическую и общественную жизнь в стране. 33% придерживались противоположной точки зрения, и еще 39% считали, что если и оказывают влияние, то крайне незначительное. Поэтому участие в деятельности политических партий как эффективный и реальный способ воздействия на власть с целью отстаивания своих интересов рассматривает только 5,3%, а использовали его за последнее время 1,3% россиян [30, с. 5-6]. В этом заключается существенное отличие российской ситуации от положения дел в странах развитой демократии, где партии и население находятся в постоянном контакте. Только во Франции ежегодно в таких формах «прямого действия», как митинги, демонстрации, шествия, собрания и т. д., которые организуют партии, принимают участие до 20% избирателей, в США – 11%, в Германии – 9%, в Великобритании – 6% [30, с. 9].

Право выбирать между несколькими партиями, свободное членство в какой-то политической партии большинство не оценивает как важное завоевание и необходимое условие демократии. Свобода объединений и союзов, как одно из основных прав, провозглашенных Конституцией РФ, представлялась наиболее важной только для 3,3% граждан России [30, с. 5]. Меньше 8% россиян считает, что для утверждения демократии и формирования гражданского общества необходимо, чтобы в стране эффективно действовали партии и общественные организации. Для подавляющего большинства основными условиями демократизации являются избавление людей от материальной нужды и привлечение граждан властью к решению значимых общественных проблем [30, с. 7]. Доминирующие в сознании патерналистские установки не позволяют воспринимать партии как инструмент для решения этих проблем.

Избиратели считают партии инструментами для обслуживания финансовых или иных амбиций политиков. Основания для таких суждений кроются в том, что партии со-

временной России представляют собой в основном форму самоорганизации элитных групп и в силу этого не в состоянии выполнять функцию реализации групповых и общественных интересов. Поэтому партии, не выражающие интересы граждан, не воспринимаются населением как общественное благо.

Данные социологических опросов свидетельствуют о том, что одновременно с поддержкой многопартийности в стране уровень доверия населения к политическим партиям крайне низок. По данным социологических опросов ВЦИОМ в 2003 г. полностью доверяли партиям только 4,5% респондентов и не вполне доверяли более 29%. Около 43% опрошенных считали, что партии совсем не заслуживают доверия [31, с. 106]. Почти 40% россиян связывают рост числа голосующих «против всех» с недоверием партийной системе, сложившейся в России. Большинство россиян не склонны рассматривать такие общественные институты, как партии, в качестве инструментов выражения и защиты своих интересов. В том, что в России нет партии, выражающей их интересы, твердо уверены почти 30% населения, еще более 20% такую партию назвать не могут. Однако почти 48% россиян считают, что существуют партии и общественные объединения, которые выражают интересы простых людей. Но большая часть из них к таким организациям традиционно относит КПРФ [31, с. 108].

Таким образом, в странах Запада партии появлялись и развивались в условиях определенного равновесия между государством и гражданским обществом и мощного влияния либеральных ценностей на массовое сознание как структуры, обеспечивающие диалог между ними, как механизмы политической конкуренции и представительства социальных интересов. Российские политические партии возникли и формируются в ином социокультурном контексте. Анализ партотгенеза в зеркале российской политической культуры позволяет выделить существенные характеристики политических партий, воспроизводящиеся на разных исторических этапах и имеющие под собой глубинные культурные основания. Они связаны, прежде всего, с кратоцентрическим характером российской культуры, доминирующими в массовом сознании установками на моноцентрическую государственную власть, патернализм, а также неразвитостью сферы публичной политики, крайне низкой способностью общества к самоорганизации. В российской политике пар-

тии, в основном, играют роль, подчиненную государству и выступают либо как партия-государство, либо как инструмент представительства государства в обществе, приводной ремень от государства к массам. Партии, наиболее адекватные западным аналогам, находятся на периферии политического пространства. В то же время нельзя не заметить трансформации партийных форм. Эта трансформация связана с модернизационными процессами, усложнением политической системы и высвобождением публичной политической сферы от тотального контроля государства. В настоящее время факторами развития партийной системы являются институциональный дизайн политической сферы (разделение властей, наличие выборных представительных органов) и смена политических ориентаций в массовом сознании (постепенное утверждение либеральных и демократических ценностей, запрос на реальную оппозицию власти).

ЛИТЕРАТУРА

1. Пестель П.И. Русская правда // Восстание декабристов. Документы. Т. 7. М., 1958.
2. Щербинина Н.Г. Российское сегментарное общество как основа коллективистских политико-культурных традиций // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. 1996. № 1.
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1990.
4. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1980.
5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.
6. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М., 1990.
7. Гамбаров Ю.С. Политические партии в их прошлом и настоящем. СПб., 1905.
8. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т.1. Новосибирск, 1997.
9. Авцинова Г.А. Политический радикализм в России: концептуальные подходы к понятию и пути нейтрализации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. 1995. № 3.
10. Франк С.Л. По ту сторону «правого» и «левого» // Новый мир. 1990. № 4.
11. Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Революционная традиция в России. М., 1986.
12. Шашкова Я.Ю. Теория революционной партии народников 70-80-х гг. XIX в. Барнаул, 2002.
13. Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С. Реформы и контрреформы в России. М., 1996.
14. Ленин В.И. Что делать? // Полн. собр. соч. М., 1979. Т.6.
15. Дюверже М. Политические партии. М., 2000.
16. Ленин В.И. Письмо к товарищу о наших организационных задачах // Полн. собр. соч. М., 1979. Т. 7.
17. Аренд Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996.
18. О единстве в партии // Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963.
19. Сталин И.В. Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б) 27 июня 1930 г. // Соч. М., 1949. Т. 12.
20. Сталин И.В. О политической стратегии и тактике русских коммунистов // Соч. М., 1952. Т. 5.
21. Бухарин Н.И. Железная когорта революции // Избранные произведения. М., 1988.
22. Пайпс Р. Создание однопартийного государства в советской России // Полис. 1991. № 1.
23. Сталин И.В. Организационный отчет Центрального комитета РКП(б) XII съезду РКП(б) // Соч. М., 1952. Т. 5.
24. Алексеев Н.Н. Евразийцы и государство // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993.
25. Евразийство // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993.
26. Карсавин Л.П. Основы политики // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993.
27. Глебова И.И. Партия Власти // Полис. 2004. № 2.
28. Левчик Д.А., Заславский С.Е. Особенности партогенеза в России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. 1995. № 6.
29. Лихтенштейн А.В. «Партия власти»: электоральные стратегии российских элит // Второй электоральный цикл в России (1999-2000 гг.). М.; 2002.
30. Петухов В.В. Общественная и политическая активность россиян: характер и основные тенденции // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2003. № 5-6 (67-68).
31. Настроения, мнения и оценки населения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2003. № 3 (65).